

НАРОДЫ СССР

Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., «Наука», 1974, 570 стр.

Новая книга Р. Г. Кузеева, несомненно, серьезное достижение советской науки в области этногенеза и этнической истории тюркских народов нашей страны. Главное содержание этого капитального труда, обобщающего более чем двадцатилетние плодотворные исследования автора по исторической этнографии башкир, составляет изучение процесса формирования этнического состава башкирской народности, ибо, как справедливо подчеркивает сам автор, «процесс сложения этнического состава народа является основной канвой истории его формирования» (стр. 13).

При разработке избранной темы Р. Г. Кузеев исходит из ряда методических принципов, основанных на глубоком понимании диалектической взаимосвязанности всех исторических явлений. Наиболее существенные из этих принципов следующие.

а) Поскольку этногенез башкир, как и многих других народов, длительный и сложный процесс, его необходимо рассматривать в целом — «от возникновения первичных этнических образований в глубинах первобытности до формирования самой народности и тех основных признаков, которые *до настоящего времени определяют ее этнический облик*» (стр. 12; курсив мой.— Б. К.).

б) Поскольку территория современной Башкирии в древности и в средневековье не была замкнутой областью, этническую историю башкир необходимо рассматривать в тесной связи с историей окружающих народов. В VIII—X вв., когда башкиры впервые упоминаются в восточных источниках, они составляют часть огромного, преимущественно тюрко-угорского мира, раскинувшегося от Алтая до Приазовья; в X—XVI вв. их формирование неразрывно связано с историей печенегов, огузов, волжских булгар, кипчаков, монголов; с XVI в., когда Башкирия вошла в состав Русского государства, этническая история башкир неотделима от истории народов России, в первую очередь русского народа.

в) Ввиду сложности картины этнической истории башкир задача ее реконструкции может быть решена лишь при условии применения комплексного метода исследования. Этот метод трактуется автором не как совмещение в одном исследовании различного (археологического, этнографического, лингвистического, топонимического и др.) материала, а как принцип взаимной проверки и корреляции смежными науками достоверности фактов и объективности полученных оценок и выводов (стр. 11).

г) При скудости сведений письменных источников о происхождении башкир, недостаточной изученности средневековых археологических памятников Башкирии, «неотработанности критериев» выделения археологических культур и определения этнической принадлежности их носителей, на первое место должен быть поставлен этнографический источник. Историческая этнография, по убеждению автора, сомкнув полевой этнографический материал, относящийся к XIX—XX вв., с историческими, археологическими и другими источниками, скоррелировав их, может создать «качественно обновленную источниковедческую базу» для изучения этнических, хозяйственно-культурных и социальных проблем истории башкир эпохи древности и средневековья (стр. 11).

Указанные методические принципы, покоящиеся на сравнительно-историческом методе исследования, применялись и применяются многими учеными при изучении проблем этногенеза и этнической истории. Заслуга же Р. Г. Кузеева в том, что он, обобщив опыт как своих предшественников, так и свой собственный, впервые четко сформулировал эти принципы и показал, насколько плодотворно строго следовать им.

Спецификой источниковедческой базы продиктована структура книги, состоящей из трех больших разделов. Первый раздел — вводный. Он посвящен этнографии проблемы и характеристике источников. Второй — этнической истории башкирских племен XVII—XIX вв.; именно в этом разделе мы находим изложение всего обширного историко-этнографического материала и его научную интерпретацию. Выводы второго раздела послужили базой для ретроспективных реконструкций при разработке проблемы происхождения башкир и формирования башкирской народности, проблемы, составляющей содержание третьего, последнего раздела книги.

Наиболее ярко значение этнографического источника раскрывается на материалах второго раздела. Для периода XVII—XIX вв. Р. Г. Кузеев выделяет четыре географических группы башкир. Каждой из них отводится отдельная глава. В этих главах даны подробнейшие сведения о родо-племенном составе, численности и расселении групп, и на основе анализа этих материалов раскрыта история их формирования. Благодаря широкой эрудиции автора, свободно владеющего материалами по истории Восточной Европы, Северного Кавказа, Сибири, Казахстана, Средней и Центральной Азии, этническая история каждого башкирского племени выступает во взаимосвязях с разными народами и племенными союзами указанного обширного региона. Одновременно автору удается в плане своей темы интерпретировать отдельные вопросы этнической истории других, соседних народов, а также поставить ряд новых вопросов и наметить пути их решения в дальнейшем. Эти четыре главы содержат так много фактического материала, что книга Р. Г. Кузеева сама станет ценным первоисточником

при исследованиях этнической истории и этногенеза других тюркских, а также монгольских и угро-финских народов.

В этом плане самостоятельное значение имеют приложенные к работе исключительно содержательные карты, обобщающие весь огромный историко-этнографический материал, а также таблицы башкирских родовых названий и тамг с их наименованиями. Приходится только пожалеть, что названия родовых подразделений, обильно представленные в тексте, но не вошедшие в эти таблицы, не включены в указатель этнических названий.

Многие вопросы древней и средневековой этнической истории башкир и других народов Приуралья и Поволжья — о ранних тюрках в этом регионе, о прародине древних венгров и булгаро-угорском компоненте древнебашкирского этноса, о роли огузского и кипчакского компонентов в формировании башкирской народности и многие другие — решены автором по-новому и настолько убедительно, что это решение трудно оспорить. Таково, например, заключение автора о существовании первоначально двух центров консолидации башкирского народа — в Урало-Поволжье и Приаралье. Благодаря исследованию Р. Г. Кузеева особенно отчетливо выступает роль Приаралья и присырдарьинских степей в формировании многих народов Средней Азии, Казахстана, Приуралья и сопредельных областей, что неоднократно отмечалось в историко-этнографической и археологической литературе, в частности в трудах С. П. Толстова. Именно с Приаралем и присырдарьинскими степями связана общность многих этнических компонентов у башкир, каракалпаков, туркмен, казахов, киргизов и узбеков. Особенно много общих компонентов у башкир с той частью узбеков, которая ведет свое происхождение от кочевых узбеков Дашт-и-Кипчака. Башкирско-узбекские этнонимические параллели огузского и кипчакского слоев наглядно проиллюстрированы Р. Г. Кузеевым в таблицах (стр. 454, 466—469).

Здесь хотелось бы отметить, что полевые исследования, проведенные мною на юге Узбекистана и юго-востоке Туркмении, дали новые факты, подтверждающие достоверность приводимых Р. Г. Кузеевым преданий о пребывании некоторых башкирских племен в глубинных районах Средней Азии. Например, в башкирских исторических преданиях и шежере часто говорится о пребывании предков в Башкуртских горах близ Бухары. Об этом, в частности, рассказывается в преданиях рода айле. Р. Г. Кузеев отождествляет эти горы с Башкуртскими горами «на западных отрогах Памира» (стр. 141), имея, по-видимому, в виду Пашхурдскую гряду, являющуюся одним из отрогов Байсунского хребта¹. К такому же выводу пришла и я в результате исследования района Пашхурдских гор, где среди населения преобладают узбеки, предки которых относились к подразделению айыны племени конграт. Помимо совпадения башкирского айле и узбекского айыны здесь выявился еще ряд башкирско-конгратских этнонимических и топонимических параллелей. Так, Р. Г. Кузеев, отмечая, что представителей рода тырнаклы башкирского племени ай называли сырдарьинскими башкирами, подкрепляет достоверность этого представления наличием в Аральском море полуострова Куктырнак. Это же наименование носила одна из мелких групп конгратов-тартулы в Байсуне, относившаяся к тому подразделению тартулы, которое называлось орь. Последнее наименование также имеется у башкир, только в составе другого племени: не ай, а усерген; закреплено оно и в гидронимии — один из притоков Урала называется орь. У тех же узбеков-конгратов имелось еще несколько этнонимов, сходных с названиями ряда мелких подразделений башкирского племени ай или других, родственных последнему родов. О том, что эти совпадения не случайны, что эти этнонимы не возникли одновременно и самостоятельно у башкир и узбеков-конгратов, свидетельствует наличие их и среди ряда других тюркоязычных народов. Все эти данные дают основание утверждать, что в преданиях башкирского рода айле отразились какие-то подлинные передвижения предков башкир и узбеков-конгратов.

Здесь нет возможности приводить все выявленные узбекско-башкирские этно- и топонимические параллели. Отмечу лишь, что названия *башкурт* и *бачкир* сохранились в топонимии Узбекистана и в преданиях узбеков, а также в одном из опубликованных списков 92 узбекских племен².

В свете исследований Р. Г. Кузеева этнические связи башкир и узбеков отнюдь нельзя приурочивать лишь к позднему периоду их взаимодействия в Приаралье и присырдарьинских районах. Чрезвычайно важным и убедительным представляется мне заключение автора о том, что образование кипчакской группы тюркских языков (и соответственно народов) в XIV—XV вв. было «не только следствием дифференциации племен Дашт-и-Кипчака и их участия в заключительных стадиях этногенеза башкир, ногайцев, татар, казахов, киргизов, каракалпаков и узбеков» (стр. 261), как это нередко принято считать. Этой стадии предшествовал, по справедливому мнению автора, длительный и мощный процесс культурно-языковой интеграции кипчаков, охвативший широкую территорию и многие племена. Кульминация же интеграции кипчаков падает, как известно, на XI—XII вв., на период их высшей политической активности.

¹ Отождествление названия страны и города Вашгирд (кстати, располагавшегося не в собственно Вахшской долине, как пишет Р. Г. Кузеев, а на востоке Гиссарской) с этнонимом *башкирд* (стр. 141) требует, на мой взгляд, серьезного обоснования.

² Х. Дониёров. *Ўзбек халқининг шажара ва шевалари*. Тошкент, 1968, с. 75.

Приведенный выше небольшой пример отражения в книге Р. Г. Кузеева некоторых моментов башкирско-узбекских этнических взаимосвязей дает основание утверждать, что это добротное исследование, содержащее зрелые теоретические обобщения и выдвигающее новые вопросы для дальнейших исследований, будет иметь большое значение для развития этногенетических исследований не только в самой Башкирии, но и за ее пределами.

Б. Х. Кармышева

Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. Отв. ред. Г. П. Снесарев, В. Н. Басилов. М., 1975, 340 стр.

Этнографическое изучение Средней Азии с самых его истоков теснейшим образом было связано с фиксацией и изучением обрядов и верований. Однако степень их изученности по отдельным народам и регионам была очень неодинаковой. Так было до революции. Советская этнография Средней Азии знала периоды, когда работа над этой традиционной темой почти заглохла. Чрезвычайно важно, что в последние годы интерес к ней вновь возрос. Появились монографии и статьи В. Н. Башилова, А. З. Розенфельд, Г. П. Снесарева, О. А. Сухаревой и др. Они достойно продолжали работы первого поколения советских этнографов-исследователей Средней Азии, и прежде всего М. С. Андреева. Вместе с тем неравномерность в изученности обрядов и верований не только сохранилась, но и усилилась. Был опубликован обширный материал по памирским таджикам и ягнобцам, равнинные же таджики и оседлые узбеки как бы остались в стороне; отдельные циклы обрядов (особенно земледельческий), отдельные группы верований (в частности, связанные с культом святых, демонологией) освещались в литературе подробнее и глубже, чем другие.

Рецензируемый сборник во многом восполняет эти существенные пробелы. Прежде всего подкупает его широкий этнический (узбеки, таджики, туркмены, казахи, белуджи) и тематический (демонология, шаманство, погребальный культ, свадебный обряд и др.) диапазон.

Существенно, что среди участников сборника — этнографы разных поколений, ученые Москвы, Ленинграда, Ашхабада, Душанбе. Разумеется, умелый выбор авторов, определивший весь профиль сборника, — заслуга его составителей и ответственных редакторов Г. П. Снесарева и В. Н. Башилова.

Сборник открывается статьей О. А. Сухаревой «Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков» (стр. 5—93), не только самой крупной по объему, но и центральной по своему значению. По существу это не статья, а настоящая монография. О. А. Сухарева собирает материалы по этому кругу вопросов с начала 20-х годов. Трудно переоценить значение наблюдений и записей, сделанных в 20-е годы, когда этнограф мог фиксировать общую картину религиозных верований, а не отдельные пережитки. «Демонологические верования в 20-е годы были еще настолько живы, что оказалось возможным нащупать основы классификации их персонажей, а из этих осколков анимистического миропонимания составить целую систему представлений, в которой каждый образ занимает свое место» (стр. 12). Эта система была трехчленной (духи-покровители, духи-демоны, духи, имеющие сексуальную связь с людьми) и в четком виде выявлялась лишь у ура-тюбинских таджиков.

О. А. Сухарева детально анализирует такие образы таджикской демонологии, как момо, албасты, аджина, дэв, пари. Помимо собственных наблюдений по таджикам и узбекам, она привлекает материалы по другим народам Средней Азии, народам соседних и более отдаленных стран. В ряде случаев ставится проблема генезиса образа — с привлечением лингвистических и исторических данных.

Вторая половина работы О. А. Сухаревой содержит поистине бесценные сведения о шаманстве у равнинных таджиков. Достаточно сказать, что здесь приводится описание камлания, на котором исследовательница присутствовала в Ура-Тюбе в 1927 г. (стр. 61—67). Ценность материалов по шаманству у таджиков возрастает еще и потому, что до недавнего времени шаманство связывалось исключительно с тюркоязычными (а не ираноязычными) народами Средней Азии.

В разделе «К вопросу о генезисе и эволюции демонологических представлений и шаманства у равнинных таджиков» содержатся чрезвычайно глубокие выводы, научная обоснованность которых не вызывает ни малейшего сомнения. Очень важна мысль О. А. Сухаревой о том, что у всего населения Средней Азии и Казахстана «...названия духов, их воображаемые свойства, связанные с ними обряды и поверья... не только близки, но нередко тождественны» (стр. 76). Исторические корни этого явления характеризуются в исторической литературе следующим образом: «Культурные сокровища таджикского народа были достоянием узбеков, равно как достижения узбекской культуры широко усваивались таджиками; характер материальной культуры, обычаи, народное искусство — все это родственно, порой неразличимо. Древнейшая, древняя, а во многом и